

10. *Moti Mizrahi*. What's so bad about scientism? / *Moti Mizrahi* // *Journal Social Epistemology*. – 11 Apr 2017. – P. 1–17.

References (transliterated): 1. *The Social Dimensions of Scientific Knowledge*. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/scientific-knowledge-social/>. (accessed 20.04.2017). 2. Peirce Charles S. Some Consequences of Four Incapacities. *Journal of Speculative Philosophy*, 2: 140–157; reprinted in C.S. Peirce, *Selected Writings*, Philip Wiener (ed.), New York, Dover Publications, 1958, pp. 39–72. 3. Kuhn T. *The Structure of Scientific Revolution*. Chicago, University of Chicago Press, 1962, 172 p. 4. Douglas Heather. Inductive Risk and Values in Science. *Philosophy of Science*, vol. 67, no. 4 (Dec., 2000), pp. 559–579. 5. Fuller Steve. *Social Epistemology*. Bloomington, Indiana University Press, 316 p. 6. Brenda McComb, Benjamin Zuckerberg, David Vesely, Chris-

topher Jordan. *The Future of Monitoring*. Available at: <https://openoregonstate.pressbooks.pub/monitoring/chapter/chapter-15-the-future-of-monitoring/>. (accessed 20.04.2017). 7. *Kopernik Science Centre Buro* Available at: <http://www.kopernik.org.pl/>. (accessed 20.04.2017). 8. *Popularyzatsiia nauky v Ukraini: problemy ta perspektyvy* Available at: http://www.nas.gov.ua/text/pdfNews/Senenko_report.pdf. (accessed 20.04.2017). 9. Rimkutė, Audronė *The Problem of Social Knowledge in Contemporary Social Epistemology: Two Approaches*. 2014. doi:10.15388/Problemos. 10. *Moti Mizrahi* What's so bad about scientism? *Journal Social Epistemology*, pp. 1–17.

Надійшла (received) 30.04.2017

Бібліографічні описи / Библиографические описания / Bibliographic descriptions

Досвід Польщі з популяризації науки: Науковий центр Коперника у Варшаві / І. В. Владленова // Вісник НТУ «ХПІ». Серія: Актуальні проблеми розвитку українського суспільства. – Харків : НТУ «ХПІ», 2017. – № 29 (1251). – С. 65–69. – Бібліогр. : 10 назв. – ISSN 2227-6890.

Опыт Польши в популяризации науки: Научный центр Коперника в Варшаве / И. В. Владленова // Вісник НТУ «ХПІ». Серія: Актуальні проблеми розвитку українського суспільства. – Харків : НТУ «ХПІ», 2017. – № 29 (1251). – С. 65–69. – Бібліогр. : 10 назв. – ISSN 2227-6890.

Poland's experience with the popularization of science: Copernicus Science Center in Warsaw / I. V. Vladlenova // Bulletin of NTU "KhPI". Series: Actual problems of Ukrainian society development. – Kharkiv: NTU "KhPI", 2017. – № 29 (1251). – P. 65–69. – Bibliogr.: 10. – ISSN 2227-6890.

Відомості про автора / Сведения об авторе / About the Author

Владленова Іліана Вікторівна – доктор філос. наук, доцент, Національний технічний університет «Харківський політехнічний інститут», професор кафедри філософії; тел.: (057) 707–60–20; e-mail: vladlenova@email.ua.

Владленова Иліана Викторовна – доктор філос. наук, доцент, Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт», професор кафедри філософії; тел.: (057) 707–60–20; e-mail: vladlenova@email.ua

Vladlenova Iliana Victorivna – Doctor of Philosophy Sciences, Docent, National Technical University "Kharkiv Polytechnic Institute", Professor at the Department of Philosophy; tel.: (057) 707–60–20; e-mail: vladlenova@email.ua.

УДК 123. 1 : 141. 32 : 165. 75

О. Н. ГОРОДЫСКАЯ

СВОБОДА КАК ФОРМА БЫТИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Стаття звертається до проблеми свободи людини. Автор з'ясовує, чи можлива свобода у сучасному світі, коли вплив технологій на життя людини стає радикальним. Підкреслюється вірогідність, що технології зможуть змінювати модель «людського» до нескінченності. Це ставить під питання людину та свободу як форму її буття. Як провідне обґрунтовується поняття свободи у філософії М. Фуко, коли суб'єкт та його свобода інтерпретуються як становлення.

Ключові слова: людина, свобода, екзистенціалізм, технології, Фуко, суб'єкт як становлення.

Статья обращается к проблеме свободы человека. Автор выясняет, возможна ли свобода в современном мире, когда влияние технологий на жизнь человека становится радикальным. Подчеркивается вероятность, что технологии смогут изменять модель «человеческого» до бесконечности. Это ставит под вопрос человека и свободу как форму его бытия. Как ведущее обосновывается понятие свободы в философии М. Фуко, когда субъект и его свобода интерпретируются как становление.

Ключевые слова: человек, свобода, экзистенциализм, технологии, Фуко, субъект как становление.

The article addresses to the human freedom problem. The author finds out is the freedom possible in modern world when the influence of the technologies on the human life becomes drastic. There expressed the likelihood of the limitless modeling of the “human” by technologies. Such limitless creates as well the illusion of the human being limitless. So it makes the human and the freedom as the basic being form challenging. This situation causes the new interpretation of the freedom concept. M. Foucauld has proposed such approach. Human as subject implements freedom not simply by using the possibilities but mostly by avoiding the destructive choices. Human freedom is not in the achieving of the aims but in the becoming process. So becoming is grounded as the topical interpretation of freedom as the human being form.

Keywords: human being, freedom, existentialism, technologies, Foucauld, subject as becoming.

Введение. Усложнение жизни в современном мире связано, прежде всего, с увеличением количества связей и отношений, которые не просто позволяют человеку изучать мир или реализовывать себя в про-

фессии. Все эти связи и отношения становятся источником формирования самого человека – каждого отдельного субъекта, для которого неуловимость, неопределенность становятся единственным способом быть собой. Подобная ситуация сложилась не сразу, и сейчас понятие «свобода», которое призвано было обозначить, по меньшей мере, специфичность положения человека в мире, его принципиальную открытость и незавершенность, выраженные в постоянной возможности выбора, становится несколько проблематичным для интерпретации. Более того: возникает впечатление, что свободы и вовсе не стало, несмотря на будто бы все расширяющееся ее поле. Безусловно, такое впечатление формируется скорее факторами общего технического прогресса, вызвавшего ощутимый рост комфорта, но в еще большей степени – возможность самым радикальным образом влиять на человеческую жизнь, ее качество и длительность. И даже более: современные технологии позволяют или в перспективе смогут позволить практически бесконечно влиять на человеческие тело, психику, умонастроения, поведение. Даже теоретическая возможность этого уже не может не вызывать серьезных дискуссий в самых разных областях человеческой жизни, а в философии возникла острая необходимость в уточнении, что такое человек, поскольку вмешательство в его природу предполагает знание исходного материала, а вот именно это знание в философии так и не было сформировано.

Безусловно, базовую позицию в антропологическом аспекте философии все еще занимают последователи философии М. Шелера, однако мир все же трансформируется слишком быстро, чтобы можно было просто повторять идеи философской антропологии почти столетней давности. Тем не менее, открытость, незавершенность, а так же сформированное экзистенциализмом понимание человека как свободы, остаются основными ориентирами на пути поиска «человеческого». Именно поэтому анализ феномена свободы, ее проявлений, а также отстаивание свободы как безусловного атрибута человеческого бытия, только и позволяющего каждому человеку состояться, представляются одной из самых острых задач, стоящих перед философией человека в быстро изменяющемся современном мире.

Анализ последних исследований и литературы. Проблема свободы часто оказывалась в поле интереса философов разного времени. Однако изучение свободы как основы человеческого бытия приобрело особое значение, в первую очередь, в философии экзистенциализма, в трудах М. Хайдеггера, Ж.П. Сартра, А. Камю. На новом витке развития цивилизации проблема свободы приобрела новое звучание. Особенно актуальной представляется позиция постструктуралистского направления, в которой наиболее ясно проблему свободы можно увидеть в разработках М. Фуко, Ж. Делёза и других. Именно Фуко представляется наиболее актуальным мыслителем, позволяющим увидеть возможные пути преодоления парадоксов свободы в ситуации глубокой

трансформации жизни человека, вызванной значительным развитием технологий и биотехнологий. Среди тех, кто изучал антропологические аспекты философии М. Фуко можно назвать Э. Эванса, А. Купера, В. Декомба, Н. Автономову, Б. Маркова, С. Табачникову, А. Дьякова, С. Горшкову и других.

Цель работы. Изученные материалы позволяют назвать общей целью данного исследования анализ понимания свободы в философии и выявление специфики этого феномена в современных условиях. Кроме того, еще одной целью данной работы может служить обоснование фукольдианского понимания свободы как наиболее адекватного философского основания для построения человеком своей самости и защиты своей уникальности.

Материалы и результаты исследования. Проблема свободы не всегда была ведущей в философии. Долгое время этот феномен трактовался, прежде всего, в социальном смысле: быть свободным означало просто не быть рабом. Впрочем, уже в поздней античности свобода приобретает оттенок свободы духовной, независимой от социального статуса индивида, что впервые ясно получило выражение в этике стоиков. Свобода здесь выражалась, в первую очередь, в равенстве перед высшим законом, а значит, человек был способен действовать согласно этому закону независимо от его положения в обществе.

Именно такой подход первоначально можно увидеть в целом в христианской этике. Впрочем, здесь важнее, что идея высшего закона у стоиков оказалась очень плодотворной как для создания христианской морали, так и для выстраивания человеком своих поведения и жизни, исходя из этой достаточно жесткой, часто подавляющей системы норм. Кроме того, в пределах такой этической доктрины весьма трудно было говорить о реальной свободе человека, даже учитывая появление и обоснование понятия «свобода воли», что уже предполагало возможность и даже обязательность некоего важного выбора. При этом, разумеется, такой базовый выбор, как принятие в своей жизни стороны добра (Бога) и отказ следовать онтологически отсутствующему злу (принятие которого автоматически лишало бы человека элемента бытийности, выносило бы его за пределы чуда творения), не могло не вести к определенным последствиям для будущей жизни, а значит, и к ответственности индивида перед высшим судьей. В любом случае, в рамках средневековой христианской морали не мог появиться свободный человек, в полной мере отвечающий за свой свободный выбор, поскольку он был детерминирован внешними факторами и зависимостью как от высшего закона, так и от всеохватной системы норм поведения, созданных на основе этого закона.

Впервые новое понимание свободы человека сформировалось в эпоху Возрождения, когда человек уверенно заместил Бога на месте творца. Именно тогда от реального свободного выбора человека стала зависеть не только внешняя сторона его жизни, но и его суть. Человек стал незавершенным существом, которое должно быть достроено им самим согласно

его собственным представлением. И вот здесь свобода впервые начинает функционировать как единственное основание человеческой самости.

Эпоха разума последующих двух столетий не привела к выработке новой единой системы морали, отличной от христианской. Последняя попытка найти универсальное обоснование морали в высшем нравственном законе, предпринятая Кантом, оказалась слишком далекой от возможностей ее реального воплощения. При этом следует отметить, что все это время свобода определенным образом вступала в конфликт с моралью, с этическими представлениями, что в целом неудивительно. Всякий свободный выбор может вызвать определенные негативные последствия для других людей, что, безусловно, выводит вопрос на границу этического статуса такого выбора. Впрочем, сама возможность не может гарантировать определенного результата, но, кроме этой возможности выбора, нет других оснований для свободы [1, с. 45]. Таким образом, свободе для реализации необходимо в значительной степени поддаться волюнтаристским интенциям, чтобы стать свободой как таковой.

Не случайно, что после философских идей А. Шопенгауэра и, в большей степени, Ф. Ницше проблема свободы обозначилась со всей остротой. Не стало больше догматической морали, все чаще поведение отсылало лишь к социальным стереотипам, усиливались атеистические тенденции, этические нормы продолжали пересматриваться, подвергались либерализации и размывались. Это привело к проблематизации феномена свободы, которая стала основной формой человеческого бытия, но при этом все больше приобретала негативное звучание, и это уже не касалось области морали.

Особенно хорошо это видно в рамках экзистенциальной философии, начиная уже с М. Хайдеггера, а свое окончательное значение понятие свободы получило у французских экзистенциалистов. Сартр формулирует свободу как единственное основание человека, его бытие, совпадающее с ничто. Это ничто находится в самой сердцевине человека, и оно совпадает со свободой. Он утверждал, что именно потому, что «человеческая реальность недостаточна, она свободна, потому что постоянно отрывается от себя и отделяется посредством ничто от того, какова она была, есть и будет» [5, с. 451]. Человек свободен, потому что он не есть сам, а присутствие к себе. Свобода вынуждает человека делать себя, вместо того, чтобы быть. Сартр окончательно отождествляет человека и свободу: «Человек не может быть то свободным, то рабом – он полностью и всегда свободен, или его нет» [5, с. 451].

В продолжение идей своего соратника А. Камю, утверждая неразумность, абсурдность мира, с сожалением констатирует, что человек всегда становится жертвой своих собственных истин. Моральный порядок естественным образом вынуждает человека признавать некие истины своего бытия, но такое признание заключает его в собственной системе, в той вселенной, из которой он так же может вырваться только собственным усилием. Разум всегда утверждает все-

единство, именно на этом основании Кант пытался строить свое понимание морали. Однако человек отверг всемогущество разума посредством феноменологии, и в попытке осмыслить бытие человека разум всегда терпит поражение. А значит, нет основания для создания универсальной всеобщей морали, и человек оказывается катастрофически свободным. Более того, согласно Камю, абсурдность мира редуцирует всякое понимание свободы вообще: «Меня не интересует, свободен ли человек вообще, я могу ощутить лишь свою собственную свободу» [4, с. 261]. С одной стороны, человек располагает лишь теми представлениями о свободе, которыми оперирует всякий индивид в пределах государства, но с другой, единственным доступным пониманием свободы становятся свобода ума и действия. Безусловно, экзистенциализм, вслед за Хайдеггером, отождествлял ничто со смертью, и абсурд Камю также трактует как неотвратимость смерти как небытия. Однако именно такая абсурдность, по его мнению, развеивает иллюзии: завтрашнего дня нет, и это стало основанием для свободы человека [4, с. 263]. Человек, осознавший эту истину, освобождается, он становится совершенно свободным по отношению ко всем общим правилам. Конечно, такая мысль несет в себе некую обреченность в понимании свободы, но вызывает необходимость личного выбора и личной ответственности за всякий выбор, поскольку даже если человек отказывается от выбора, это так же его выбор, и он так же будет иметь последствия для реализации человеком своей самости.

Казалось бы, экзистенциализм в полной мере раскрыл проблему свободы, исключив любые иные трактовки этого феномена, имеющего смысл только как форма бытия человека. Однако стремительное изменение мира с середины XX века, усиление роли технического фактора в жизни человека поставило новые вопросы о свободе именно как о форме бытия человека. С очевидностью можно говорить, что экзистенциалистское понимание свободы в целом оказывается вполне актуальным, но все же слишком общим. К тому же ничто остается в экзистенциальной философии важным элементом всех философских построений, а современная цивилизация давно перестала воспринимать саму смерть как тот самый предел. Функции и формы ничто изменились, и если наука всерьез задумалась о бесконечном продлении жизни, то как можно будет интерпретировать феномен свободы в мире, где, кажется, не осталось пределов? Как возможна свобода в ситуации, когда все возможно?

Чтобы не погружаться в бесконечный анализ множества работ современных авторов, пытавшихся моделировать основные тенденции развития и трансформации человека и человеческого в связи со значительными достижениями в технологиях вообще и в биотехнологиях в частности, можно провести лишь общий обзор той картины отношений человека и техники, которая вырисовывается уже сегодня. Весьма показательным здесь может быть труд Ф. Фукуямы «Наше постчеловеческое будущее», в котором намечаются наиболее проблемные антропологические аспекты

развития техники и технологий. Хотя самый острый вопрос автор формулирует практически в самом начале книги: если появится возможность в полной мере воздействовать на человека во всех областях его жизни, включая интеллект и психическое и поведенческое здоровье, будет ли существо, сформированное в результате, называться человеком? Да, помимо антропологических сторон не менее острыми оказываются вопросы политические, правовые и тому подобное. Однако именно процесс становления человека, в полной мере зависящий от вмешательства извне, приводит к большим опасениям в том, что человек окажется не естественным продолжением своих задатков, а именно следствием прерывания этой связи со своим бытийным основанием. И где тогда здесь будет человек? И будет ли это свободный выбор свободного человека?

Задумаемся: если человек есть свобода, то всякая его модификация, любые изменения в нем могут быть результатом выбора личного, но выбора свободного, поскольку тогда мы приходим, очевидно, к закономерным последствиям такого выбора и ответственности за него. Значит, такой выбор не может быть сделан человеком несвободно. Такой выбор всегда предполагает некоторую оценку возможных перспектив и ориентиров, исходя из существующих представлений о ценностях. При этом следует также понимать, что ценности могут обеспечивать как личностную целостность индивида, так и преемственность человеческого опыта как «видовой» черты. Проще говоря, что-то мы выбираем именно как люди, а что-то – сами по себе. И в этой точке всегда возникает конфликт между различными системами ценностей, особенно моральными, все еще претендующими на всеобщность. Но нужно также понимать, что если прежде система моральных ценностей выступала в обществе как механизм, обеспечивавший преемственность опыта и культурной идентичности, то сейчас мораль обрела сингулярную форму, и говорить здесь о преемственности, целостности и идентичности становится невозможно. Сингулярность морали часто оказывается бессильна перед новациями, касающимися трансформации человека. Причем это бессилие не однопольное: если человеку трудно выбирать определенный путь трансформации или же отказываться от него, то такой же трудной будет свобода выбора для тех, кто создает новации, поскольку обе эти свободы никем и ничем не контролируются. В этом и состоит главная проблема, поскольку отсутствие естественного фильтра, которым служила, в первую очередь, система моральных норм, универсальных ценностей, призывает новые ориентиры для замещения вакантного места, и его может занять все что угодно. Фукуяма отмечал, что факт развития и культурной эволюции «заставляет многих современных мыслителей считать пластичность человека практически бесконечной – имеется в виду, что человек может быть сформирован средой так, что будет двигаться открытыми путями» [8, с. 28]. Однако, это оптимистический сценарий, который подразумевает, что не будет никакой другой основы для всякой трансформации субъекта, кроме его собственного свободного осознанного выбора, – никакой политики,

никаких финансовых соображений, никаких слепых экспериментов ради будущего, то есть ничего, что позволило бы диктовать выбор извне и использовать индивида ради любой другой цели, кроме него самого.

В таком случае, свобода, истинный свободный выбор оказывается единственной формой бытия человека, и это предполагает не только принятие технологий как неотъемлемой части жизни человека, но и умение отказаться от всего того, что может нанести непоправимый вред самости человека. В свое время еще Хайдеггер отмечал, что техника несет определенную угрозу сути человека, так как он не сможет испытать призыв первичной истины [8, с. 233]. При этом нужно понимать здесь истину, как ее трактовал сам Хайдеггер, – как «алетейю», как истину представления, но в чем она? Она может быть утрачена, так и не будучи раскрытой. Возникает необходимость пересмотра понятий «человеческое», «человек» и «свобода», понять, как одно предполагает другое, и, главное, отказаться от абсолютизации любого образа или представления в пользу становления. Именно такую позицию обозначил Мишель Фуко.

Его субъект – также носитель свободы, но она отнюдь не абсолютизируется, как в экзистенциализме, внешне она гораздо более ограничена по сравнению со свободой экзистенциалистов, она остается собой только с силу своей неуловимости. Фуко не без оснований утверждал, что в современных условиях не может быть никакой системы морали, она всегда претендует на универсальность и всеохватность, но она же и вызывает к жизни общие философские и политические проекты, касающиеся «нового» или «лучшего» человека, которые «не могут принести положительных изменений и, напротив, являются самыми опасными» [1, с. 45]. Именно по этой причине любая рационализированная суть человека отрицается в пользу нового субъекта: субъект – не субстанция, он есть становление, форма, которая никогда не будет самоидентифицируемой. Иными словами, субъект Фуко всегда существует как становление и бытие становления, но никогда – как ставшее [3, с. 45].

При этом понятие «субъект» Фуко использует в двух значениях: «во-первых, индивида, производят в качестве субъекта, то есть контролируют и ставят в зависимость, во-вторых, индивид сам производит себя в качестве субъекта, проявляя «заботу о себе»» [3, с. 45]. В данном значении всякое производство осуществляется на основании некоторого вида знания, которое можно представить в виде технологии. Однако здесь технологии как знание, безусловно, приходят извне, и субъект вынужден постоянно занимать активную созидательную позицию в отношении себя, чтобы не потеряться под давлением догматов чистого мышления или технологий власти существующего общественного режима. Главной задачей человека оказывается «рефлексия собственного положения в этом режиме и самого режима в целом» [1, с. 44]. Такая позиция подразумевает постоянную практическую составляющую самости, без которой нет ни человека, ни свободы. Разумеется, все типы практик и знания, заложенные в

них, человек находит в культуре, но это не означает его несвободы. Даже более, свобода повсеместна, причем эта свобода, в первую очередь, выражена именно в возможности сопротивления, ускользания. Всякое новое знание может стать началом новой технологии производства человеческого, и важнейшей задачей субъекта-становления является уход в маргинальность, укоренение в зазорах между дискурсами. Это означает, что не существует никакого магистрального направления становления субъекта, он движется во всех направлениях, и движение здесь – основная составляющая человека, иначе он погибает.

Очевидно, что единственная возможность для субъекта-становления стать самим собой – избежать заданных стратегий поведения, ускользнуть от утвердившихся технологий производства человеческого, как бы заманчиво не выглядели эти пути внешне, как бы много они не обещали. Поэтому практический элемент становящегося субъекта требует постоянно переоценивать правила и ценности, исчерпывать все возможности опыта, который только один способен показать человеку, что является необходимым движением, изменением для него, а от чего стоит решительно отказаться. Опыт является тем, из чего человек выходит измененным. Функция опыта в представлении Фуко – «вырывать субъекта у него самого, делать так, чтобы он больше не был самим собой, или чтобы он был совершенно иным, нежели он есть, или чтобы он был приведен к своему уничтожению или к своему взрыванию, к своей диссоциации» [Цит. по: 6, с. 411]. Диссоциация субъекта приводит к полной децентрации культуры, и сам человек становится вечно становящимся центром формирования смыслов, через него проходят все линии смыслов, и тогда субъект свободной речи может произнести то, «что думает «в пределе», во что верит «в пределе», что знает «в пределе»» [1, с. 43]. Это и есть его свобода.

Выводы. Таким образом, современная цивилизация, создав условия для улучшения качества жизни человека, поставила перед ним новые вопросы, крайне обострив, в первую очередь, проблему его экзистенциального статуса. Свобода, которая оправданно стала основной формой бытия человека, требует новой интерпретации, с учетом нюансов времени. Речь идет об утверждении некоей новой стратегии свободы, которая реализовалась бы в субъекте как становлении, в постоянном уходе от очевидных предлагаемых путей формирования самости, в отказе от того, что делает субъект лишь повторением, в пользу того, что никогда не позволит ему стать самотождественным, а значит, статичным, определенным, осмысляемым и даже контролируемым извне. Человек сегодня – это область постоянного опыта, который может быть напряженным, но без него человек исчезнет.

Список литературы: 1. Горшкова С. В. Этические взгляды Мишеля Фуко / С. В. Горшкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – Вып. № 8 (93). – С. 43–46. 2. Делёз Ж. Фуко / Ж. Делёз ; пер. с фр. Е. В. Семиной. – М. : Изд-во гуманитарной лит-ры, 1997. – 180 с. 3. Дьяков А. В. Мишель Фуко: о «смерти человека», о свободе и о «конце философии» / А. В. Дьяков // Вестник истории и философии КГУ. Серия «Философия». – 2008. – № 2. – С. 45–53. 4. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / А. Камю; пер. с фр. А. М. Руткевича // Сумерки богов: переводы ; сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. – М., 1989. – С. 222–318. 5. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж. П. Сартр ; пер. с фр. и предисл. В. И. Коляко. – М. : Республика, 2000. – 639 с. 6. Табачникова С. В. Мишель Фуко: историк настоящего / С. В. Табачникова // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М., 1996. – С. 396–443. 7. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко ; пер. с фр. С. В. Табачниковой. – М. : Касталь, 1996. – 448с. 8. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : ООО «Издательство АСТ»; ОАО «ЛЮКС», 2004. – 349 с. 9. Хайдеггер М. Вопрос о технике / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Бибихина // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. – М., 1993. – С. 221–138. 10. Шелер М. Положение человека в космосе / М. Шелер ; пер. с нем. А. Филитова // Проблема человека в западной философии: переводы ; сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. – М., 1988. – С. 31–95.

Bibliography (transliterated): 1. Gorshkova S.V. Jeticieskie vzgljady Mishelja Fuko [Ethical views of Michel Foucault]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University]. 2014, issue 8 (93), pp. 43–46. 2. Deljoz Zh. *Fuko* [Foucault]. Moscow, *Izd-vo gumanitarnoj lit-ry*, 1997. 180 p. 3. D'jakov A.V. Mishel' Fuko: o «smerti cheloveka», o svobode i o «konce filosofii» [Michel Foucault: about the "death of a man", about freedom and about the "end of philosophy"]. *Vestnik istorii i filosofii KGU. Serija "Filosofija"* [Bulletin of history and philosophy of KSU. Series "Philosophy"]. 2008, no. 2, pp. 45–53. 4. Kamju A. Mif o Sizife. Jesse ob absurde [The myth of Sisyphus. Essays on absurdity]. *Sumerki bogov: perevody* [Twilight of the Gods: translations]. Ed by A.A. Jakovlev. Moscow, 1989, pp. 222–318. 5. Sartr Zh. P. *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and nothingness: The experience of phenomenological ontology]. Moscow, Respublika, 2000. 639 p. 6. Tabachnikova S.V. Mishel' Fuko: istorik nastojashhego [Michel Foucault: the historian of the present]. *Fuko M. Volja k istine: po tu storonu znanija, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years. The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years]. Moscow, 1996, pp. 396–443. 7. Fuko M. *Volja k istine: po tu storonu znanija, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years] Moscow, Kastal', 1996. 448 p. 8. Fukujama F. *Nashe postchlovecheskoe budushhee: Posledstvija biotehnologicheskoy revoljucii* [Our posthuman future: the consequences of the bio-technological revolution]. Moscow, ООО «Izdatel'stvo AST»; ОАО «LJuKS», 2004. 349 p. 9. Hajdegger M. *Vopros o tehnike* [The question of technology]. *Vremja i bytie: stat'i i vystuplenija* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow, 1993, pp. 221–238. 10. Sheler M. *Polozhenie cheloveka v kosmose* [The position of man in space]. *Problema cheloveka v zapadnoj filosofii: perevody* [The problem of man in Western philosophy: translations]. Ed. by Ju. N. Popova. Moscow, 1988, pp. 31–95.

Поступила (received) 27.04.2017

Бібліографічні описи / Библиографические описания / Bibliographic descriptions

Свобода як форма буття в сучасному світі / О. М. Городиська // Вісник НТУ «ХП». Серія: Актуальні проблеми розвитку українського суспільства. – Харків: НТУ «ХП», 2017. – № 29 (1251). – С. 69–74. – Бібліогр.: 10 назв. – ISSN 2227-6890.

Свобода как форма бытия в современном мире / О. Н. Городыская // Вісник НТУ «ХПІ». Серія: Актуальні проблеми розвитку українського суспільства. – Харків: НТУ «ХПІ», 2017. – № 29 (1251). – С. 69–74. – Бібліогр.: 10 назв. – ISSN 2227-6890.

Freedom as the being form in modern world / O. N. Gorodyska // Bulletin of NTU "KhPI". Series: Actual problems of Ukrainian society development. – Kharkiv: NTU "KhPI", 2017. – № 29 (1251). – P. 69–74. – Bibliogr.: 10. – ISSN 2227-6890.

Відомості про автора / Сведения об авторе / About the Author

Городыська Ольга Миколаївна – кандидат філософських наук, доцент, Національний технічний університет «Харківський політехнічний інститут», доцент кафедри філософії; тел.: (0572) 65–97–56; e-mail: olga_gorod@mail.ru.

Городыская Ольга Николаевна – кандидат философских наук, доцент, Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт», доцент кафедры философии; тел.: (0572) 65–97–56; e-mail: olga_gorod@mail.ru.

Gorodyskaya Olga Nickolayevna – Candidate of Philosophical Sciences (Ph. D.), Docent, National Technical University "Kharkiv Polytechnic Institute", Associate Professor at the Department of Philosophy; tel.: (0572) 65–97–56; e-mail: olga_gorod@mail.ru.

УДК 165 (161.1+161.2)

А. Н. БАРДИН

СИНТЕТИЧЕСКОЕ СУЖДЕНИЕ В ПОЗИТИВИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ

Проблема аналізу різних видів судження об'єднує фундаментальні питання в семантиці, логіці, когнітивній психології і епістемології. Логічні позитивісти прагнули переосмислити емпіризм за допомогою їх інтерпретації тогочасних досягнень у фізичних і формальних науках. Їх радикально антиметафізична позиція була підтримана емпіричним критерієм значення і логістичної концепції математики. Хоча далеко не всі філософські ініціативи, розпочаті членами Віденського гуртка, принесли свої плоди, необхідно відзначити, що не всі вони залишилися марними.

Ключові слова: логічний позитивізм, логіка, математика, судження.

Проблема анализа различных видов суждения объединяет фундаментальные вопросы в семантике, логике, когнитивной психологии и эпистемологии. Логические позитивисты стремились переосмыслить эмпиризм посредством их интерпретации тогдашних достижений в физических и формальных науках. Их радикально антиметафизическая позиция была поддержана эмпирическим критерием значения и логистической концепцией математики. Хотя далеко не все философские инициативы, начатые членами Венского кружка, принесли свои плоды, необходимо отметить, что не все они остались бесполезными.

Ключевые слова: логический позитивизм, логика, математика, суждение.

The problem of analyzing different types of judgments unites fundamental questions in semantics, logic, cognitive psychology and epistemology. Logical positivists sought to rethink empiricism through their interpretation of the then achievements in the physical and formal sciences. Their radically anti-metaphysical position was supported by an empirical criterion of meaning and a logistic concept of mathematics. Although not all the philosophical initiatives initiated by the members of the Vienna Circle have borne fruit, it must be noted that not all of them have remained useless.

Keywords: logical positivism, logic, mathematics, judgment.

Введение. Проблема анализа различных видов суждения объединяет фундаментальные вопросы в семантике, логике, когнитивной психологии и эпистемологии. Использование формальной логики в качестве инструмента представления знаний в информатике часто требует интеграции нескольких логических систем в однородную среду. Поэтому данная проблематика исследования выходит за пределы философского знания и ее решение приобретает практическое применение. Начальной формой духовного освоения предметной реальности выступает именно субъектно-предикатная форма суждения. Результаты первичной обработки, анализа и синтеза материала чувственного созерцания (восприятий и представлений), мыслительного разложения образа, выделение признаков и закрепление их за некоторым субъектом, – словом, вся начальная стадия духовной деятельности человека протекает в форме акта суж-

дения и закрепляется в нем.

Цель исследования и постановка задач. Целью данного исследования выступает анализ синтетического суждения, для чего необходимо провести тщательный анализ философских подходов в логическом позитивизме к данной проблеме.

Анализ последних исследований и литературы. В настоящее время логика представляет собой разветвленную и многоплановую науку, исследования во всех этих областях на нынешнем этапе развития логики по преимуществу осуществляются в рамках логической семиотики, которая исследует свойства знаков и знаковых систем, она представлена работами Ю.М.Лотмана, ф.Соссюра, Г.Фреге [1;2]. Идущее от Канта и Лейбница понимание логики как сугубо формальной дисциплины весьма прочно обосновалось в работах современных логиков, а логические позитивисты Р.Карнап, О.Нейрат, Ф.Франк и др.